

«Мне Анастасии Ивановни 13 лет...»

*«Дорогая Екатерина Павловна...» Письма женицин и детей. Письма в их защиту.
1920 — 1936*

*«Обречены по рождению...» По документам фондов: Политический Красный
Крест. 1918 — 1922. Помощь политзаключенным. 1922 — 1937*

Низкий поклон благородной «Звезде»: во времена очевидно подловатые и забывчатые, когда чувство истории растворяется на глазах и жестокая ее правда заплывает туманом, — она верна себе по-прежнему. Она разматывает и разматывает цепочку, эту бесконечную цепь времени, чтобы снова и снова всмотреться в начало, в истоки, в корни, в основание. В суть. В причины.

...Самое удивительное в истории существования ПОМПОЛИТа («Помощь Политическим Заключенным»), возглавляла который (а по сути дела, в одиночку вела) Екатерина Павловна Пешкова, первая жена Горького, — это то, что он вообще был. Равно как и два его предшественника — политический Красный Крест (1918—1922) и Польский Красный Крест, придушенный в 1937-м. Случай невероятный абсолютно, до изумления, до полного в это неверия. Как, скажите на милость, окаменевшая к тому времени (к 30-м годам) власть, от которой вовсю уже веяло кладбищенским вечным покоем, терпела наличие в самом сердце Москвы, на Кузнецком мосту, организации, целью которой было — подрывать самые ее основы? Помогать — врагам? Узнавать об участии — врагов? Утешать — их родных и детей, их семья и кровь?

Все это тем более загадочно, что воцарившийся режим, только-только выйдя из пеленок, продемонстрировал почти сразу перед всем миром подлинное свое отношение к несчастным и умирающим от голода. То есть — обнажил самую свою суть. Он закрыл организованный в 21-м году в России комитет Международного Красного Креста для помощи погибающим от голода в Поволжье, возглавлял который всемирно прославленный полярник норвежец Ф. Нансен. А заодно — и два русских аналогичных комитета во главе с видными демократическими деятелями С. Прокоповичем, Е. Кусковой и Н. Кишкиным. На этот счет 27 августа 1921 года В. И. Ленин издал соответствующее распоряжение. Члены обоих русских комитетов были арестованы, а затем высланы в провинцию.

От голода пострадало тогда более 30 миллионов человек, из них 5 миллионов умерло.

Так что чуда в конечном счете не произошло. Власть осталась собой, пусть и позволила, насытившись, видно, на какое-то время безвинной кровью, «ребятишкам» порезвиться. К 1938-му году — пику ее сущности, звездному ее часу — организацию ликвидировали окончательно. И, как рассказал Лев Разгон в «Непридуманном», «во всех ссылках были арестованы все те, которых опекала Екатерина Павловна Пешкова, собраны в тюрьмы, а затем расстреляны. И были арестованы и, очевидно, расстреляны и Винавер (ее многолетний и верный помощник и друг. — Е. Щ.), и те безвестные мужчины и женщины, которые работали в Политическом Красном Кресте. И оставили на воле жить, мучиться и умирать только Екатерину Павловну».

Которая, продолжил мемуарист, «унесла с собой в могилу разгадку тайны, кто, когда, каким образом и почему разрешил ей *легально* (курсив наш. — Е. Щ.) поддерживать тот статус „политического заключенного“, само понятие которого потом стало чем-то противозаконным, отрицаемым, почти преступным».

Впрочем, и в лучшие времена, ежели и были таковые у ПОМПОЛИТа, каких-либо особых полномочий он не имел. Власть тут не расслаблялась: не стоит думать о ней лучше, нежели она была. Разрешено организации было немного: посылать

арестованным, их родственникам, а также вдовам и сиротам посылки и деньги, да и то — очень небольшие, буквально крохи; узнавать, где находится арестованный или куда этапирован, в какую тюрьму переведен или куда отправлен в ссылку; сколько лет отсидки получил, и вообще — жив он или умер; можно ли получить с ним свидание и когда... О юридической помощи не могло быть и речи. Да и всякая другая с каждым годом, даже каждым месяцем истончалась и истончалась — ей как могли перекрывали кислород. Если политический Красный Крест, существовавший с 1918 года, занят был в основном именно юридическими ходатайствами за арестованных, за что и был закрыт (оно и понятно — доколе терпеть?!), то организованный на его развалинах ПОМПОЛИТ обладал правами донельзя скромными.

Но даже то, что ПОМПОЛИТ в таких условиях делал, было благом величайшим, неоспоримым. Для родственников арестованных либо высланных — а уж про них самих и говорить нечего, — сама по себе мысль, что в мире есть кто-то, кто смотрит на них с сочувствием и состраданием, что одиночество их, их горе, их ужас, безмерные и бесконечные, как Вселенная, кто-то готов с тобой разделить, а быть может, даже чем-то и помочь, — была как весть с другой планеты.

Добавлю, что все сделанное Екатериной Павловной осуществлялось в глубокой тиши, под покровом тайны: она сама просила обращающихся к ней никому ничего не рассказывать, ни с кем ничем не делиться и тем паче ни о чем не писать.

Удивительно ли, что о ее работе и о ней самой долгие годы ничего не было известно.

Прервав злонамеренный заговор молчания, расскажу вкратце об этой по-настоящему великой русской женщине, первой советской правозащитнице, творившей добро и милосердие посереде океана беспредельного и бесконечного зла. И зла не метафизической какой-нибудь природы, а откровенного, государственного, похваляющегося собой, уверенного в своей правоте и оттого бездонного до ужаса, до самопоглощения.

Итак, Екатерина Павловна Пешкова, урожденная Волжина, из мелкопоместных разорившихся дворян Харьковской губернии. Родилась 26 июля 1876-го года. По причине семейного безденежья начала давать уроки математики еще учась в 4-м классе гимназии. Позже работала корректором в «Самарской газете». За Алексея Максимовича Пешкова (М. Горького), стремительно набиравшего известность писателя, а тогда — сотрудника той же газеты, вышла замуж в 1896-м году. Спустя восемь лет муж оставил ее. Вскоре умерла ее пятилетняя дочь Катя (а много позже, в 1934-м году, — единственный сын Максим). Эсерка, участница русского революционного движения, с 1907-го года вынужденная жить вместе с сыном в эмиграции, в Париже и Италии. С начала Первой мировой войны до 1918-го года работала в обществе «Помощь жертвам войны», организовав тогда на средства Земского и Городского союзов, вместе в адвокатом И. Н. Сахаровым, отряд, который занимался сбором и вывозом детей, оставшихся за линией фронта. После Февральской революции стала председателем Московского бюро «Общества помощи освобожденным политическим», затем — ПОМПОЛИТа. Скончалась в 1965-м году.

Снова предоставляю слово Льву Разгону.

«Сюда (на Кузнецкий, 24. — *Е. Ш.*) обращались родственники эсеров, меньшевиков, анархистов; родственники людей их „партий”, „союзов” и „групп”, созданных, придуманных в доме неподалеку, за углом направо (на Лубянке. — *Е. Ш.*). Здесь выслушивали женщин, стариков и детей, здесь их утешали, успокаивали, записывали адреса, чтобы невероятно скоро сообщить, где находится их отец, муж, жена, мать, брат, сын <...> Откуда брались эти продукты, эта одежда, эти, совсем немалые, деньги? Они приходили главным образом из-за границы. От АРА —

родились. Да и житье-бытье бывших беспризорных, чаще всего изнервленных, замученных, больных, с кровоточащей памятью о гибели родителей представление у апологетов Дзержинского весьма смутное, навеянное не жизнью, а пропагандой. Но у последователей «железного» две мысли в голове, видимо, не помещаются.) Евгения Моисеевна, брошенная в тюрьму вместе с трехлетним сыном, «для иллюстрации», как она выражается, благоденний ВЧК по отношению к детям рассказывает о том, как ее Шурку в тюрьме то и дело «обезвреживают». Мало того, что вооруженные до зубов чекисты, говорится в письме, врываются по ночам в камеры, силой вытаскивают полуголых женщин из постелей, бьют их и тащат за руки и за ноги неизвестно куда, а заодно набрасываются на кричащего от ужаса ребенка. Трехлетнему «эсеру», к тому же, запрещают встречаться с приехавшими из деревни братом и сестрой, а «в целях физического обессиливания врага», продолжает иронизировать Е. Ратнер, помощник тюремного коменданта отказывается брать для него принесенное с воли молоко. (А для спекулянтов и бандитов, рассказывает автор, он передачи принимает.) «Надеюсь, — заканчивает письмо его мать, — что эта педагогическая система, примененная ко все детям Р.С.Ф.С.Р., даст не менее блестящие результаты...»

Но это — 1921 год, власть еще новенькая, молодая, неокрепшая...

Спустя полтора десятилетия, 29 апреля 1938 года, написано в первой книге, в подъезде дома, где располагался ПОМПОЛИТ, были найдены двое маленьких детей, трех и пяти лет, оставленных матерью. При них обнаружена записка. «Я вынуждена, — сказано в ней их матерью, — своих детей насильно оставить. Нигде я не могла добиться, чтобы мне помогли. Муж арестован 8/II 1937 г. (полгода спустя он был расстрелян. — Е. Ш.). Сейчас они страдают, и я не могу это переживать <...> В настоящее время они возле меня погибнут». Детей отправили в детприемник, наверняка лишив их подлинной фамилии, которую указала мать (тем более что они были немцами). Судьба их неизвестна.

Стоит добавить — это будет к тому же выразительным штрихом к портрету Екатерины Павловны, — что, еще когда в середине 20-х гг. в том же подъезде тоже был оставлен ребенок, Шура Вознесенский, сын бывшего белого офицера, она взяла его к себе в дом и воспитала как родного сына. Александр Вознесенский погиб в годы Великой Отечественной войны.

От ироничного и злоязыкого письма Евгении Ратнер до беспросветного ужаса, которым пахло от записки несчастной матери, пролегли не просто 17 лет: пролегла эпоха. Эпоха настоящего, неприкрытого *расчеловечивания*, которым занято было государство, бесстыдно именовавшее себя народным.

Ничто не останавливало ретивых бойцов античеловеческого фронта. Ни злокачественная опухоль, от которой умирал политический ссыльный, по дороге на Соловки уложенный в ленинградскую больницу (а дома, в Москве, у него остались без присмотра три малолетние дочери; а жена, которая и пишет письмо Екатерине Павловне, выслана на Урал и, ничего не зная об их судьбе, умоляет ее хотя бы, время от времени, «посылать кого-нибудь проводить моих детей»). Ни то, что дочь 80-летней женщины, отправленная в 1927-м году из Ленинграда в Вишерский концлагерь, всю свою жизнь занималась делом, в отечестве нашем нужным, думаю, до крайности, — была сестрой милосердия в обществе трезвости Братца Иоанна Чурикова и, пишет ее мать, «работала всецело на пользу отрезвления трудящихся масс» до самого своего ареста (письмо заканчивается резолюцией ГПУ: «Амнистия не применена»). Ни тяжелейший туберкулез 19-летней девушки, дочери бывшей эсерки, только-только оправившейся от горлового кровотечения и высланной под усиленный надзор ГПУ из Новгорода в Тамбов. А там ей негде работать, негде жить, у нее нет ни теплой одежды, ни обуви, дома у нее осталась больная чахоткой безработная мать с двумя маленькими

руку помощи, успокоить старых отца и мать, отблагодарить за то, что они научили меня жить и трудиться».

Не удалось, увы, этой девушке, с ее растревоженной совестью, отблагодарить своих престарелых отца и мать, замученных и умерших в ссылке. Да и то — пролетарское ли, коммунистическое ли это чувство — совесть, а вместе с ней и благодарность? И нужно ли его поощрять?..

Так вот, к вопросу о совести и милосердии, которые, как безыллюзорно свидетельствуют эти письма, возводящемуся величественному зданию коммунизма были не нужны. Более того — враждебны не менее, чем уничтоженный эксплуататорский класс. Вот такое, выходит, строилось у нас общество — без совести, без жалости к обездоленным, без сострадания, без милосердия. Этот буржуазный хлам выкорчевывался буквально под корень — со злобой, с остервенением, с наслаждением от сознания собственной силы и власти. И ничего, никто из коммунистических заправил не ужаснулся, не покался, не бросился в храм отмаливать грехи... Ни за миллионы погубленных крестьян, кормильцев России, ни за их несчастных осиротелых детей, выкинутых из родных домов, ни за уничтоженную, честную, верящую в грядущее справедливое общество интеллигенцию.

Шло изощренное растление страны. То самое, плоды которого мы пожинаем.

А ведь в грядущие идеалы, в то, что всем нам суждено жить в счастливом, процветающем государстве, интеллигенция верила. В письме от 2 октября 1920-го года, присланном из Новозыбкова, безвестная женщина по имени Липа, желая обрадовать арестованного мужа известием о рождении у него сына, говорит: «Верю, родной, что наше солнце снова согреет наши сердца и души, верю, что правда восторжествует, и ты снова будешь на свободе, мы вместе будем растить нашего крошку, для иной только жизни, здоровой, прекрасной и правдивой». Письмо осталось посланием «в никуда»: когда оно попало в руки сотрудников МПКС (Международного Красного Креста), ее муж уже был расстрелян.

Так вот — об изничтожении в стране милосердия.

Некий Иосиф Сергеевич Ларионов, сотрудник ОГПУ (!), в 1932-м году был арестован за свое, пишет он в письме, «легкомыслие». Заключалось оно в том, что молодой человек, по его словам, «исключительно из чувства жалости к голодным старым людям» кормил двух стариков, один из которых, на его беду, некогда был царским генералом. Чтобы сердобольного чекиста навек отвести от подобного легкомыслия, его после ареста отправили на 10 лет в концлагерь. Следом за тем была выслена из Ленинграда его жена.

А ростовчанка Валентина Макушина в слезном своем письме от 11 февраля 1928 года умоляет Екатерину Павловну, «как родную мать», помочь в освобождении отца, единственного кормильца семьи. Арестовали его после того, как он принял в своем доме и обогрел старого своего товарища по гимназии, оборванного, грязного, похожего на нищего. За проявленную доброту он получил пять лет заключения на Соловецких островах. Венчает письмо В. Макушиной приписка секретаря Политического Красного Креста — «отказано».

В 1931-м году, рассказывается в письме некоего Николая Дмитриевича Лаврентьева, присланном из Калинина, был «отнесен к типу кулаков» и обвинен «как соучастник в связи с бывшими кулаками» крестьянин Сергей Лаврентьев. Вся вина его заключалась в том, что он взял на воспитание четверых маленьких детей (10, 8, 6 и 4-х лет) своей сестры, раскулаченной и высланной вместе с мужем. От детей он, чтобы не отправиться в неведомые края следом за родней, вынужден был отказаться. Четверых малышей без куска хлеба выбросили на улицу.